

А.Г. ДРУЖИНИН, О.В. КУЗНЕЦОВА

**ПРИОРИТЕТЫ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ.
«СИБИРИЗАЦИЯ»
ИЛИ СБАЛАНСИРОВАННАЯ МНОГОВЕКТОРНОСТЬ?**

В России проблематика стратегирования пространственного развития, включая выбор его приоритетов, – фундаментальна и неизменно актуальна. Статья посвящена критическому осмыслению идеи «сибиризации» России и обоснованию стратегической установки на сбалансированную многовекторность пространственного развития страны, учитывающую возможности и интересы не только собственно Сибири, но и всех российских территорий. Раскрыта множественность ретроспективных и современных представлений о Сибири в отечественном научном дискурсе, акцентированы территориальные социально-экономические трансформации и межрегиональные различия, исключаящие отождествление с Сибирью всей азиатской части Российской Федерации. Отмечено, что необходимые для данных территорий (с учетом присущего первой четверти XXI в. неблагоприятного тренда) компенсационные меры в экономической, инфраструктурной и социально-демографической областях должны быть следующими: адаптивными, учитывающим местные условия; локализованными, опирающимися на сеть опорных населенных пунктов, очаги ресурсодобычи, на Транссиб и иные значимые коммуникационные оси; ориентированными на малолюдные технологии; базирующимися на имеющемся в крупных агломерациях кадровом потенциале и институциональных возможностях научно-технологического развития; увязанными с пространственным развитием России в целом.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития, территориальные различия, «сибиризация», Азиатская Россия, Сибирь, Урал, Тюменская область, регион.

JEL: R11, R28, R58

В конце 2024 г. была утверждена новая, уже вторая по счету, Стратегия пространственного развития страны¹. Важнейшая задача такого рода документа – обозначать приоритеты пространственного развития, и таковые в ней названы. Причем пространственных приоритетов, согласно документу, всего два.

Первый – «система опорных населенных пунктов», которые выделяются по всей территории страны, и их обсуждение – это отдельная тема.

Второй приоритет сформулирован как «основные направления развития федеральных округов Российской Федерации, Арктической зоны Российской Федерации и новых субъектов Российской Федерации, а также геостратегических территорий Российской Федерации, которые учитывают их специфику, новые вызовы и возможности для их развития».

В перечень геостратегических территорий включены уже упомянутые новые субъекты Российской Федерации и Арктическая зона Российской Федерации, а также регионы в составе Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов, Крым и Калининградская область, граничащие с недружественными странами муниципальные образования (в Карелии, Белгородской, Брянской, Курской, Ленинградской, Псковской областях). Как видим, связанный преимущественно с макрорегионами пространственный приоритет, как и система опорных населенных пунктов, затрагивает всю территорию страны, разве что *делая особый акцент на геостратегических территориях*.

Вместе с тем в разворачивающемся в российском обществе дискурсе по поводу приоритетов пространственного развития страны в последнее время довольно активно обсуждается первостепенное значение «восточного вектора», «маневра на восток» [1], в наиболее акцентированном варианте воплощенных в идее «сибиризации» России, или «восточного поворота 2.0», под которой подразумевается «сдвиг духовного, экономического, научно-технического и политического развития страны к Уралу и Сибири» – территориям, способным в обозримом будущем стать «главным источником развития и роста мощи страны и благосостояния народа»². При этом в качестве основных положений такой пространственной стратегии артикулируются: 1) необходимость интеграции Сибири (от Урала до Дальнего Востока включительно) в единую систему; 2) восприятие Сибири как основного конкурентного преимущества России; 3) целесообразность переноса центра экономического и культурного развития на восток страны [2; 3]. Ключевых аргументов в пользу приоритета «сибиризации» приводится два: во-первых, новая международная реальность, а именно – противостояние России

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года».

² Караганов С.А. Логистика для Большой Евразии // Российская газета. 08.09.2025. URL: <https://rg.ru/2025/09/08/logistika-dlia-bolshoj-evrazii.html> (дата обращения: 23.10.2025).

и Запада, которое видится долгосрочным; во-вторых, акцентируемое ведущими профильными аналитиками смещение мирохозяйственной активности на Восток и в целом на Глобальный Юг, а с ней и перенос акцента во внешнеэкономических связях России с ее западных на восточные регионы.

В статье мы хотим показать, что *предлагаемые положения стратегии «сибиризации» России»* отнюдь не беспорные, а используемые в качестве ее обоснования множественные ранее сложившиеся нарративы, апеллирующие к истории освоения пространства нашей страны, равно как и к ее географической (природной и социально-экономической) специфике, далеко не всегда корректны. При этом сразу подчеркнем, что мы ни в коей мере не выступаем против «сибиризации» в качестве одного из важнейших пространственных векторов развития России. Однако не считаем приемлемым возведение этого вектора в абсолют – рассмотрение его в отрыве от задач социально-экономического и пространственного развития как страны в целом, так и других ее макро-регионов.

Сибирь как феномен российского пространства

Первый тезис идеи «сибиризации», который стоит подвергнуть сомнению, – это предложение рассматривать Сибирь как единую систему, включающую в себя территории трех нынешних федеральных округов – Уральского, Сибирского и Дальневосточного (что подразумевает, среди прочего, создание единого органа управления развитием всего Урало-Сибирского региона).

Такую идею нельзя назвать новой. Представления о том, что пространство России состоит из двух неравновесных (демографически, экономически, массивами территории) составляющих – европейской и азиатской, или сибирской (до середины прошлого столетия эти понятия выглядели практически синонимичными), – уходят корнями еще к периоду освоения территорий к востоку от Уральских гор в XVII – XVIII вв. и четко артикулировались в Российской империи начала XX в.

Так, один из родоначальников и теоретиков «сибирфильства» Г.Н. Потанин подчеркивал, что Сибирь – «слишком большой придаток к территории Европейской России, русские люди, обитающие на этом придатке, не могут не чувствовать, что они живут в особых условиях» [4, с. 392]. В логике и мироощущении имперского «могущественного территориального владения», о котором писал В.П. Семенов-Тянь-Шанский [5], Сибирь воспринималась в качестве единого осваиваемого пространства и отождествлялась (как это хорошо показано в [6]) со всей территорией в российской юрисдикции к востоку от Урала. Подобный подход в целом культивировался и в 1920-е гг. в советской России, в том числе в работах одного из классиков отечественной экономической географии Н.Н. Колосовского [7].

Вместе с тем в те же столетия (XVIII – нач. XX вв.) идеи единства и особенности Сибири уже не воспринимались как бесспорные и критиковались по двум важным основаниям.

Первое – необоснованность разделения страны на части и противопоставления их друг другу. Еще Д.И. Менделеев в своей работе «К познанию России» [8] говорил о том, что Россия в пространственном и народном отношении является «целой и неделимой». Ему вторил известный историк Г.В. Вернадский. По его словам, деление страны на европейскую и азиатскую части «не только не обосновано и не оправдано исторически, – оно вводит в заблуждение и географически... Никто не может изменить тот факт, что Европейская и Азиатская Россия едины. По обе стороны Урала находятся те же самые зоны тундры, лесов и степей, сыгравшие одинаково важную роль в развитии русского народа. Урал... в действительности не разделяет страну, а тесно связывает восточную и западную части России в единую (насколько это возможно) Евроазиатскую Россию» [9, с. 10–11]. Представляется, что эта точка зрения особенно актуальна *в наши дни, когда выбор должен делаться в пользу именно единства России, а не противопоставления западной и восточной ее частей.*

Второе основание для критики – это весьма и весьма существенные различия между сибирскими регионами по множеству параметров – природно-климатическим условиям, природным ресурсам, системе расселения, инфраструктурной освоенности, развитию экономики и т.д. Это обстоятельство глубоко и тонко подметил еще А.Н. Радищев, проехавший почти всю Сибирь к месту своей ссылки: «Издавна не нравилось мне изречение... водится в Сибири, то или другое имеют в Сибири, – и все прочие изречения о осьмидесятичном пространстве верст, теперь нахожусь вовсе нелепым. Ибо как можно одинаково говорить о земле, которой физическое положение представляет столько разнообразностей...». И далее: «Уральские горы столь существенно различествуют в своей естественности от степи Барабинской, сколько жители оных от жителей степных. Крестьянин заводской есть совсем другой человек, нежели земледелец Тарской или Ишимской округи, и если Сургут, Туруханск изобилуют соболями, то почто дивиться, что в Ялуторовске их нет. А обыкновенно говорят: соболи рождаются в Сибири...» [10, с. 356].

В этой связи неудивительно, что обширная территория исторической Сибири и в ментальном, и в административно-управленческом отношении постепенно стала разделяться на отдельные составляющие.

На западе Сибири самостоятельное экономическое значение (и особую «горнозаводскую культуру» [11]) еще с XVIII в. демонстрировал Урал, который в экономическом районировании советского периода в азиатскую часть России не включался. Этот подход продолжает доминировать и в наши дни: в этом отношении показательна серия работ Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, которые в азиатскую Россию включают только расположенную на Западно-Сибирской низменности Тюменскую область с автономными округами [12].

С конца XIX в. свою специфику (во многом благодаря морехозяйственной и внешнеторговой активности) начала являть обширнейшая, оконтуривающая макрорегион с востока, приморская (приокеаническая) зона, обретшая топоним «Дальний Восток» [13]. Разделение восточной части страны даже не на две, а *три составляющих* – Западную Сибирь, Восточную Сибирь и Дальний Восток – окончательно оформилось в рамках уже упомянутой сетки советских экономических районов.

Учреждение в 2000 г. сетки федеральных округов, заменивших продолжавшие существовать в постсоветский период лишь номинально экономические районы не только в качестве единиц статистического наблюдения, но и объектов управления, а затем и стратегического планирования, ознаменовалось *заметным сокращением размеров Сибири* (ассоциируемой с Сибирским федеральным округом) в силу исключения из ее границ обширной территории Тюменской области с автономными округами, отнесенной к Уральскому федеральному округу. И хотя оправданность такого решения до сих пор подвергается сомнению, как мы показали в работе [14], в наши дни характер экономических связей, конфигурация транспортной инфраструктуры при существующих расстояниях между ключевыми городами вполне позволяют говорить о том, что Тюмень является частью Уральского макрорегиона, а не Сибирского.

Состоявшийся в начале века перенос границы между Уралом и Сибирью федеральные власти в 2018 г. дополнили изменением границы и между Сибирью и Дальним Востоком, включив прежде сибирские Бурятию и Забайкальский край в Дальневосточный федеральный округ. Впрочем, это не первый сдвиг границы между Сибирью и Дальним Востоком на запад – до 1967 г. Якутия включалась в состав Восточно-Сибирского, а не Дальневосточного экономического района, и сибирские географы до сих пор продолжают рассматривать Сибирь в границах от Тюменской области до Якутии включительно [15; 16].

Кроме того, на севере страны, по мере создания инфраструктуры Северного морского пути, на стыке суши и моря также имело место обособление обширнейших арктических территорий, дистанцированных от собственно Сибири по логистике, характеру заселения и хозяйственного освоения. В ментальном отношении такое обособление отразилось в появлении отдельного – арктического – направления социально-экономических исследований. С середины 2010 г. стал приниматься и ряд последовательных административно-управленческих решений, начиная с официального очерчивания границ Арктической зоны в Указе Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

И здесь опять можно обратиться к тезису, озвученному еще в период Российской империи и приобретающему сейчас особую обособленность и значимость (причем, уже не только с учетом природных и этнографических характеристик территории, но и экономических связей, логистики): «Между восточными и южными окраинами

Европейской России и западными и северо-западными окраинами русской Азии... не существует никаких строгих и резких различий» [17, с. 9].

Полагаем, нужно, наконец, признать, что *Уральские горы* – это не вековечная демаркация страны на европейскую и азиатскую (сибирскую) части, а *архивный ментальный рубеж*, трансформировавшийся в значимую для России *регионоформирующую ось* и, соответственно, проводить размежевание между Большим Уралом (вычлняя в его составе Зауралье) и собственно Сибирью (в современном, существенно более локализованном смысле) логичнее по условной, меридианального простираения границе сфер влияния между Курганом и Омском (относя к Зауралью территории собственно Тюменской области, а также Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов).

Соотнесение в реалиях второй четверти XXI в. всей российской территории к востоку от Уральских гор именно с Сибирью не просто выглядит поверхностным и устаревшим, но и ведет к *ментальной унификации де-факто разнородных* (по своему географическому положению, ресурсному потенциалу, доминантным центрам, демографическим трендам, экономической специализации и др.) *пространств востока страны при одновременном игнорировании его сложной, требующей обязательного учета* (в том числе в системе федерального регулирования) *внутренней структуры*, что не пойдет на пользу развитию самой Сибири.

Более того, как и в случае с геостратегическими территориями (о чем уже говорилось ранее в [18]), объявление в качестве единого приоритета пространственного развития огромной части страны будет означать лишь распыление и, соответственно, малоэффективное использование весьма ограниченных инвестиционных и иных федеральных ресурсов.

Сибирь в пространстве России: инвариантность сопоставлений

Рассмотренная выше множественность и размытость представлений о Сибири означает, что и оценки вклада ее в общероссийские показатели могут быть тоже очень разными (*табл. 1 и 2*). К тому же крайне важно учитывать и внутреннее разнообразие восточных территорий страны.

Даже если рассматривать Урало-Сибирский регион в целом, то его доля в общероссийской численности населения составляет лишь 25% (с учетом новых субъектов Российской Федерации – еще меньше), а всех регионов к западу от Уральского федерального округа – 75%. Несложно подсчитать: для того, чтобы западная и восточная части страны хотя бы сравнялись по численности населения, в Азиатскую Россию должно переехать 36,5 млн чел. (25% российского населения), с учетом новых регионов – под 40 млн. Очевидно, что такое массовое переселение в сколько-нибудь обозримой перспективе совершенно нереалистично и уж тем более бессмысленно с экономической точки зрения. Поэтому *ни о каком сдвиге демографического, экономического центра страны в Сибирь речь идти не может.*

Т а б л и ц а 1

**Доля Сибири в территории и населении России
(без учета новых субъектов Российской Федерации)**

Территориальные единицы	Территория		Численность населения в 2023 г.		
	Тыс. км ²	% от РФ	Тыс. чел.	% от РФ	В % к 2014
УрФО + СФО + ДФО	13 132,8	76,2	36 752,3	25,1	97,5
СФО + ДФО + Тюменская область с АО («Азиатская Россия»)	12 778,5	74,1	28 362,6	19,4	97,8
СФО + Тюменская область с АО + Забайкалье + Якутия	9 692,6	56,2	23 438,8	16,0	98,6
СФО + Забайкалье (СФО в старых границах)	5 144,9	29,9	18 568,2	12,7	96,5
СФО (в текущих границах)	4 361,7	25,3	16 606,5	11,4	96,6
<i>Для сопоставлений:</i>					
ДФО (в текущих границах)	6 952,6	40,3	7 885,1	5,4	95,7
Тюменская область с АО	1 464,2	8,5	3 871,0	2,6	108,4
Юг России (ЮФО + СКФО)	618,2	3,6	26 861,5	18,4	103,3
ЦФО	650,2	3,8	40 219,5	27,5	102,4

Составлено по данным Росстата.

Примечание: здесь и далее в табл. РФ – Российская Федерация; УрФО – Уральский федеральный округ; СФО – Сибирский федеральный округ; ДФО – Дальневосточный федеральный округ; ЮФО – Южный федеральный округ; СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ; ЦФО – Центральный федеральный округ; АО – автономные округа; Забайкалье – Республика Бурятия и Забайкальский край.

Более того, пока реальных предпосылок роста численности населения восточной части страны нет. Если в целом по России численность населения в 2023 г. по отношению к 2014 г.¹ осталась почти неизменной, сократившись на 0,1%, Сибирский федеральный округ как в старых, так и новых границах потерял порядка 3,5% населения. При этом в разных регионах востока страны ситуация заметно различалась. За тот же период число жителей выросло в сохранивших высокий уровень рождаемости национальных республиках – Тыве и Якутии, в меньшей степени в Республике Алтай, лишь немного (на 0,2%) сократилось население в Бурятии. Основными центрами миграционного притяжения стали города-миллионеры Новосибирск и Красноярск, обеспечившие своим регионам либо рост числа жителей (Новосибирская область), либо лишь небольшое его сокращение (менее 0,5%).

¹ В качестве базы для сравнения 2014 г. выбран по двум причинам. Во-первых, в этот год в общероссийские данные включено население Крыма. Во-вторых, именно в 2014 г. стартовала активная федеральная поддержка дальневосточных регионов. Выбор 2023 г. обусловлен тем, что за 2024 г. пока не опубликованы данные по ВРП и нет точных данных по численности населения.

Центром притяжения мигрантов из других российских регионов является Тюменская область. Здесь показатель роста численности населения за 2014–2023 гг. (более чем на 12%) был на уровне Московской и Ленинградской областей (заметно опережая показатели непосредственно по Москве и Санкт-Петербургу). Тюменская область вместе с автономными округами – единственный регион Азиатской России резко выделяющийся благодаря нефте- и газодобыче на фоне как страны в целом, так и восточной ее части по экономическим показателям. Именно эта территория дает почти половину суммарной по регионам добавленной стоимости в добыче полезных ископаемых (табл. 2); в физическом выражении по данным на 2022 г. (более поздние данные отсутствуют) объем добычи нефти на территории Уральского федерального округа превышал аналогичный показатель по Сибирскому округу в 7 раз, природного газа – в 26 раз. Без Тюменской области представления о Сибири как ключевом регионе Российской Федерации [19; 20] сразу становятся сильно преувеличенными.

Т а б л и ц а 2

*Доля Сибири в производстве валового продукта России в 2023 г.
(без учета новых субъектов Российской Федерации)*

Территориальные единицы	Доля в суммарной по регионам добавленной стоимости, %				
	Всего	Добыча полезных ископаемых (раздел В)	Обрабатывающие производства (раздел С)	Производство электроэнергии (раздел D)	Сельское и лесное хозяйство (раздел А)
УрФО + СФО + ДФО	30,0	75,4	24,7	31,3	21,3
СФО + ДФО + Тюменская область с АО (Азиатская Россия)	25,5	74,4	15,8	25,8	18,3
СФО + Тюменская область с АО + Забайкалье + Якутия	21,2	67,4	14,3	20,7	11,1
СФО + Забайкалье (СФО в старых границах)	9,7	12,4	10,0	13,0	9,4
СФО (в текущих границах)	8,9	11,3	9,7	12,2	8,7
<i>Для сопоставлений:</i>					
ДФО (в текущих границах)	6,4	14,0	1,7	7,7	8,2
Тюменская область с АО	10,2	49,1	4,3	5,9	1,3
Юг России (ЮФО + СКФО)	9,3	2,3	6,3	9,5	27,0
ЦФО	34,4	1,7	36,1	33,5	23,9

Составлено по данным Росстата.

Из сказанного вытекает и вполне закономерный вопрос: в какой мере оправданны рассуждения о том, что действующая в стране система финансовых потоков *приводит к несправедливому изъятию формируемого в Сибири дохода в пользу других регионов* [12]?

Если речь идет о доходах Тюменской области, то почему предполагается, что сибирские регионы имеют на эти доходы больше прав, нежели другие российские территории или даже Москва? В конце концов, Москва вносит свой вклад в развитие нефтегазодобычи благодаря наличию здесь профильных вузов, научно-исследовательских центров. Как мы показали в работе [14], в развитие нефтегазодобычи в Тюменской области очевиден вклад регионов, прежде всего Урала – Башкирия является основным «донором» вахтовиков, в Свердловской и Челябинской областях производится оборудование, трубы для добычи и транспортировки нефти и газа. Не кроется ли за декларируемым отдельными авторами воссозданием «целостности сибирских пространств» желание не столько развивать конкретные общероссийски значимые территории (что делать, конечно, необходимо, причем именно приоритетным образом), сколько инициировать общедоинтересного масштаба политико-экономический передел, радикально переориентируя потоки ресурсной ренты в пользу наиболее значимых региональных метрополий Сибирского федерального округа (и, соответственно, их традиционно, еще со времен «сибирского областничества», весьма активных элит)?

Сибирь, безусловно, богата полезными ископаемыми, хотя не только она и не все ее регионы [21]. Но это все равно не позволяет говорить о Сибири как об основном «конкурентном преимуществе» России [22], поскольку не только и не столько минерально-сырьевые ресурсы обеспечивают технологический суверенитет и национальную безопасность страны в целом. *Восточные регионы в целом отличают* пока что скромные позиции в обрабатывающей промышленности (*табл. 2*), равно как и показатели, отражающие перспективы научно-технологического развития (*табл. 3*).

И это еще один аспект инвариантности сопоставлений Сибири с другими российскими макрорегионами. Вместе с тем и в данном случае есть существенное исключение в виде Новосибирской области и в меньшей степени – Томской. Кроме того, обратим внимание, что показатели развития высшего образования, которое в бюджетной своей части финансируется из федерального бюджета, в Сибири соответствуют ее доли в численности населения, что опять-таки ставит под вопрос тезис о несправедливом изъятии из макрорегиона финансовых ресурсов.

Т а б л и ц а 3

Показатели научно-технологического потенциала Сибири (данные на 2023 г.)

Показатели	Доли в общероссийских показателях (без новых субъектов Российской Федерации), %			
	СФО	Новосибирской области	Томской области	ДФО
Для сопоставлений: численность населения	11,4	1,9	0,7	5,4
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	7,8	3,1	1,4	2,0
Численность исследователей	7,4	2,7	1,3	1,9
Выдано патентов на изобретения	10,0	2,9	1,9	2,4
Выдано патентов на полезные модели	8,7	2,1	1,2	1,9
Разработанные передовые производственные технологии	6,6	1,8	1,5	2,0
Использованные передовые производственные технологии	9,0	1,4	0,7	3,4
Объем инновационных товаров, работ, услуг	3,9	1,0	0,3	1,8
Численность профессорско-преподавательского персонала, осуществляющего образовательную деятельность по программам высшего образования	10,8	2,3	1,6	4,2
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	11,2	2,3	1,5	4,1

Составлено по данным Росстата.

При обсуждении будущего восточных регионов, как и в целом пространственного развития России, регулярно в явном или неявном виде поднимается вопрос о целесообразности более равномерного размещения населения по территории страны. Но в самом ли деле российское пространство столь асимметрично и характеризуемо недопустимо высокой концентрацией населения и экономической активности в Московской агломерации (или в двух крупнейших агломерациях – Московской и Санкт-Петербургской)? Даже если рассматривать Московскую агломерацию в границах Москвы и всей Московской области, а это суммарно 21,7 млн чел. (хотя реально агломерация заметно меньше, по оценкам – 17 млн чел.), то ее доля в населении России (без новых субъектов Российской Федерации) составляет 14,9%; в Санкт-Петербурге и Ленинградской области проживает 5,2% населения. Если обратиться к международным сопоставлениям, то доли агломераций Лондона и Парижа составляют в населении своих стран примерно те же 15%,

Стамбула – 17%, Токио – 27%, а Сеула – 43%. По абсолютным размерам агломерация Москвы – во втором десятке, тогда как в Токийской агломерации, к примеру, более 33 млн чел. (по данным [23]). Таким образом, никакой *экстраординарной концентрации населения в отдельных агломерациях в России нет.*

Нет и сопоставимо сверхнизкой заселенности Азиатской России.

Если сделать поправку на различия между западными и восточными частями страны в природно-климатических условиях (резкое возрастание континентальности климата к востоку с вытекающими последствиями для комфортности проживания населения), а также на значительные пространства дикой природы (т.е. лишенные присутствия человека), преобладающие именно в Азиатской России [24], то формальный 9-кратный разрыв в плотности населения (10,5-кратный по сельским жителям) между Западом России и ее Востоком (Уральским, Сибирским и Дальневосточным федеральными округами) превращается в 3-кратный (4-х кратный по сельскому населению). Если к тому же не учитывать в западной части две столичные агломерации, то разница в степени заселенности двух территориально неравновесных частей России окажется вообще только 2,5 кратной (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Различия в степени заселенности западных и восточных регионов России с учетом территорий дикой природы

Территориальные единицы	Территория дикой природы, тыс. км ²	Плотность населения, 2023, чел./км ²			
		Все население		Сельское население	
		Всего	Вне дикой природы	Всего	Вне дикой природы
УрФО + СФО + ДФО	9 274	2,79	9,85	0,64	2,25
Запад (все остальные федеральные округа)	868	25,80	32,50	6,68	8,40
Запад без Москвы и Санкт-Петербурга	868	21,41	26,93	6,68	8,40
Запад без двух столичных агломераций	850	19,45	23,89	6,30	8,00

Составлено по: данные Росстата, [24].

**«Сбалансированная многовекторность»
как императив пространственного развития России**

Перенос центра экономического и культурного развития на восток (включая создание если не новой, то третьей столицы), обеспечение «поворота на восток», очевидно, требует дополнительных вложений со

стороны федерального бюджета, причем, если речь идет о новых городах или строительстве крупных инфраструктурных объектов, вложенный немалых. Безусловно, разумные решения по поддержке Сибири необходимы, но можно ли безоговорочно утверждать о необходимости масштабных федеральных инвестиций (бюджетных, государственных инфраструктурных компаний) в экономику Сибири? Принимая подобного рода решение, важно прежде всего помнить, что любое наращивание расходов в одних направлениях неизбежно приводит если не к сокращению их в других направлениях, то к ограничению возможностей решать иные, подчас не менее важные, задачи. Это означает, что существенное усиление значимости «восточного вектора», во-первых, не может неоправданно ущемлять интересы других территорий. Во-вторых, должно быть обосновано с точки зрения вклада в достижение задач развития всей страны. Как представляется, таких очевидных обоснований для «сибиризации» как ключевого направления пространственного развития, нет.

Прежде всего, нужно ли осваивать неосвоенные территории Сибири и Дальнего Востока? Положительный ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден. Вновь обращаясь к истории, отметим, что вопреки бытующим подчас представлениям о том, что в советский период ставилась задача «равномерного» размещения населения и производительных сил, такой подход если и озвучивался, то лишь отдельными авторами в 1930-е гг. [25]. На самом деле говорилось о «правильном» [26] или «рациональном» [27] размещении. На том, что «субъективные “выравнивания” различий обходятся обществу очень дорого, берут много сил, средств, времени и в конце концов не дают желаемых результатов» [28, с. 534] фиксировал внимание лидер советской экономической географии 1960–1970-х гг. Ю.Г. Саушкин. В качестве примера можно привести сделанный в СССР в середине 1950-х гг. выбор в качестве пространственного приоритета освоения целинных и залежных земель (на севере Казахстана и юге Сибири), резко снизивший инвестиции в укрепление материальной базы сельхозпроизводства в традиционных аграрных районах [29], что в свою очередь подстегнуло депопуляцию территорий Нечерноземья. В этот же период из-за общего нарастающего дефицита средств оказались сорваны и все проектировки сдвига производства в восточные районы страны.

По существующим оценкам, не более 20% сибирской территории практически пригодно для проживания [30], а освоение оставшейся разумно только вахтовым методом. Но есть множество исследований (за пределами экономической тематики) о том, что вахтовая работа, особенно в неблагоприятных климатических условиях, связана с дополнительными рисками для здоровья и отнюдь не способствует укреплению института семьи (что крайне важно в текущей демографической ситуации). Исходя из этого, не лишена смысла идея известного географа Б.Б. Родомана об «экологической специализации Сибири» [31]. Учитывая отсутствие в России дефицита не перенаселенных территорий с комфортными условиями проживания, освоение неосвоенных, диких

пространств Сибири видится разумным только в том случае, если речь идет о стратегически значимых месторождениях полезных ископаемых, без разработки которых невозможно решить все другие задачи социально-экономического развития страны (или существуют какие-то иные, необходимые для обеспечения национальной безопасности, проекты в Сибири).

Само по себе возникновение геополитического разлома на западном побережье России, барьерности соответствующих границ из-за санкций вовсе не означает неизбежности, без оглядки на сопутствующие издержки, масштабного перемещения на восток населения и производственной активности. Демонстрируя свой глобальный характер, «новые войны» характеризуются «отсутствием единого фронта» [32] (что обесценивает действия по пространственному дистанцированию производственных активов и мест концентрации населения от фактических и вероятностных линий боевого соприкосновения), вмещающая в себя также усилия по разжиганию на территории противника искусственно создаваемой ситуации «управляемого хаоса». Последнюю, кстати, могут продуцировать в том числе и односторонне выстроенные сибирские приоритеты в пространственном развитии при одновременном рассмотрении концентрации основных человеческих, производственных, научных ресурсов в Европейской части страны как «большого анахронизма» [2].

Более того, завершение СВО еще более актуализирует проблематику социально-экономического возрождения и ускоренного развития новых российских регионов, а темпы и результативность данного процесса (в сопоставлении с территориями, которые останутся в юрисдикции Украины) станут не только приоритетом пространственного развития Российской Федерации, но и одной из значимых сфер ее геополитического противостояния со структурами ЕС и НАТО. В этом же контексте вне внимания федеральной пространственной политики вряд ли окажутся «национальные» территории¹. Потребуется, вне сомнения, своего решения и множественные проблемы «Ближнего Севера России» (обширных слабозаселенных, в целом испытывающих депопуляцию территорий к северу от Москвы [34]). Явно не будет пересмотрен в сторону кардинального сокращения и состав геостратегических регионов. Невозможно будет игнорировать также интересы крупнейших городов, региональных столиц и их агломераций, не только потому, что в них уже живет значительная часть российского населения, но и в силу концентрации в них научно-технологического потенциала, без реализации которого невозможно говорить об обеспечении ни технологического суверенитета, ни, тем более, технологического лидерства. Необходимо осознавать, что пространственная структура по своей сути чрезвычайно инерционна [35], и нельзя рассчитывать на то, что ее возможно перестроить до решения общеэкономических задач. Еще раз подчеркнем,

¹ 12 субъектов Российской Федерации с удельным весом русских в населении менее 50% в сумме занимают 21,3% территории страны; на аналогичные по этнической структуре муниципалитеты приходится 29% российского пространства [33].

что *ценнейшие ресурсы современной России* – человеческий капитал, аграрно-производственный и научно-технологический потенциал, равно как и высокоосвоенные экономически и плотнозаселенные ареалы – *находятся в значительной мере в западной части страны*. При этом и в самой Сибири имеются ареалы и зоны сосредоточения таких ресурсов, и, на наш взгляд, ставка должна делаться именно на их использование, а не на чрезвычайно затратное освоение очередных месторождений полезных ископаемых на территориях дикой природы.

Таким образом, геополитические реалии, этнотерриториальная мозаичность, стоящие перед Россией социально-экономические задачи требуют *учета интересов всех регионов и урбанистических центров России* в федеральной пространственной политике. И обеспечить такой подход можно, только декларируя и реализуя на практике *сбалансированную многовекторность* такой политики. Не может быть ни одного «главного», «магистрального» или «наиболее значимого» направления пространственного развития, некоей наиболее приоритетной для общества и государства территории опережающей динамики. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. именно на таком подходе совершенно оправданно и основывается, хотя стимулированию *межрегиональных и межмуниципальных взаимодействий* как основе интегрированного, взаимоподдерживающего развития территорий в ней внимания уделяется явно недостаточно.

В такой многовекторной пространственной политике задачи социально-экономического развития Сибири, в целом восточных регионов России тоже, безусловно, необходимо решать. В силу многих факторов подобное развитие должно быть, как представляется, не только увязанным с пространственным развитием России в целом, но и:

- адаптивным, учитывающим местные возможности и реалии, включая этнокультурную и этнодемографическую специфику, природно-климатические условия, учет которых имеет и бюджетные резоны¹;
- локализованным, реализуемым преимущественно в конкретных муниципальных образованиях, опирающимся на сеть опорных населенных пунктов, на Транссиб и иные значимые коммуникационные оси², на очаги ресурсодобычи, на воссоздаваемые элементы территориально-производственного комплексобразования, способные обеспечить формирование спроса на продукты глубокой переработки внутри страны [38];
- базирующимся на имеющемся в крупных агломерациях кадровом потенциале и институциональных возможностях научно-технологического развития за их пределами, ориентированным (согласимся с В.А. Шупером [39]) на малолюдные технологии.

¹ По мере продвижения на северо-восток значения индекса бюджетных расходов стабильно возрастают, что фиксировалось как применительно к советскому периоду [36], так и констатируется в современной аналитике [37].

² В 40-километровых полосах вдоль железнодорожных линий располагается сейчас свыше 90% городского населения Сибири [16].

Отметим еще ряд рисков, сопряженных с идеей «сибиризации».

Основным экономическим риском является отсутствие ожидаемых эффектов реализации крупных инвестиционных проектов, включая транспортные, о чем уже неоднократно говорилось в научной литературе, в том числе исходя из опыта провальных российских мегапроектов [40; 41]. При этом выделение бюджетных средств на мегапроекты будет отвлекать ресурсы от менее масштабных, но гораздо более реалистичных инвестпроектов, суммарно способных внести не меньший вклад в экономическое развитие макрорегиона.

Негативные последствия для пространственного развития страны, ее селитебной структуры связаны с тем, что предлагаемое авторами «сибиризации» привлечение в Сибирь населения из западных регионов страны наиболее вероятно *приведет к переезду на восток жителей* отнюдь не Москвы и Санкт-Петербурга, а *проблемных периферийных территорий*, что еще больше подорвет перспективы развития таковых.

Можно, конечно, попытаться повысить привлекательность сибирских регионов для жителей ныне благополучных территорий финансовыми условиями или попытаться переселять «принудительно», например, требуя от крупных компаний с государственным участием перенести свои штаб-квартиры в регионы (правда, пока таких успешных кейсов почти нет [42]). Но привлеченные подобным образом люди, как показывает опыт (включая советский), часто возвращаются обратно и живут в восточных регионах с психологией временщиков. Меры демографической политики должны быть направлены прежде всего на закрепление в Сибири местного населения, уже укорененного в этом макрорегионе, в том числе путем создания условий для миграции на небольшие расстояния – в складывающиеся в самой Сибири точки роста.

Выбор в Сибири «третьей» столицы несет в себе и *политические риски*. Ведь такое сверхзатратное решение означает концентрацию финансово-инвестиционных ресурсов в отдельно взятом городе в ущерб другим населенным пунктам даже в пределах восточной части страны, не говоря уже о иных макрорегионах. Особо ценна в этой связи позиция иркутского географа-обществоведа А.Н. Фартышева: «Важно помнить, как к возможному переносу столицы или “затроению” столичных функций отнесутся другие регионы, скажем, юга страны» [22, с. 138].

* * *

Как мы постарались показать, перспективы Сибири не должны рассматриваться вне общего контекста социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны. Идеология федеральной пространственной политики априори не может основываться на приоритетности лишь одного отдельно взятого макрорегиона страны, а попытки дальнейшего продвижения подобного рода идеи будут способствовать не столько действительному развитию сибирских территорий,

сколько актуализации сформулированного еще в начале XX в. тезиса, что «Сибирь в развитии автономистских движений в великорусских областях будет передовым застрельщиком» [4, с. 235]. В условиях резко возросшей глобальной турбулентности и фактической вовлеченности Российской Федерации в гибридную войну с Западом императивом для страны должно стать обеспечение хозяйственного и инфраструктурного *единства российского пространства*, вмещающего в том числе и те его составляющие, которые мыслятся как Сибирь. Поэтому *сбалансированная многовекторность — это ныне и на всю обозримую перспективу единственный приемлемый для России вариант пространственной политики*. При осуществлении такой политики пространственного развития важно исходить из того, что в основе федеральных решений всегда будут лежать (в разной комбинации) три мотива.

Во-первых, решение задач, связанных с обеспечением национальной безопасности и сохранением места России во внешнеполитических и внешнеэкономических связях.

Во-вторых, нацеленность на интересы большей части населения и вместе с тем создание достойных условий жизни для всех слоев населения.

В-третьих, максимизация темпов экономического роста и научно-технологического развития страны в целом.

И логика федеральной политики в отношении отдельных территорий должна исходить именно из вклада этой политики в решение названных задач, а не каких-либо иных соображений. Важно учитывать и логику бизнес-решений. Даже самые патриотично настроенные предприниматели, готовые развивать свой бизнес на территории России (при необходимой защите внутреннего рынка), станут реализовывать проекты именно в тех местах, где это в наибольшей степени соответствует их интересам, в противном случае они будут просто проигрывать конкурентам даже на внутреннем рынке. Если же государство готово искусственно поддерживать жизнеспособность предприятий ради их строительства в определенных регионах, то, повторим, у таких решений должна быть совершенно понятная мотивация.

В определении перспектив самой Сибири, наряду со сформулированными в предыдущем разделе резонами, крайне важной представляется опора на полимасштабный подход:

- необходимо определение современных конкурентных преимуществ Сибири и ее роли в развитии экономики и межрегиональных связей в масштабах страны в целом;
- требуется искать возможности усиления взаимодействий в пределах самого макрорегиона¹ и одновременно учитывать специфику экономической специализации отдельных субъектов Российской Федерации;

¹ С этой точки зрения одним из наиболее интересных проектов, предлагаемых сибирскими коллегами, видится развитие Южносибирской конурбации [12].

- наконец, важны определение и поддержка локальных точек роста, в том числе в формате опять-таки разномасштабных агломераций – от крупнейших городских до сельских.

Список литературы

1. *Крюков В.А., Коломак Е.А.* Пространственный маневр на восток: факты, барьеры, решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 252. № 2. С. 30–50.
2. *Караганов С.А., Козылов И.С.* Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 221–229.
3. *Бляхер Л.Е.* Сибирь – ключ к пониманию судьбы России // Россия в глобальной политике. 2025. № 4. С. 141–151.
4. *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 231–253.
5. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Т. LI. Вып. VIII. С. 425–457.
6. *Блануца В.И.* Диффузия почтовых нововведений в досоветской Сибири // География и природные ресурсы. 2012. № 4. С. 30–39.
7. *Колосовский Н.Н.* Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. 1925. № 5. С. 236–246.
8. *Менделеев Д.И.* К познанию России. Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1906. 345 с.
9. *Вернадский Г.В.* Русская история. М.: Аграф, 1997. 544 с.
10. *Радищев А.Н.* Письмо А.Р. Воронцову от 15 марта 1791 г. // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952. С. 355–358.
11. *Срединный регион: теория, методология, анализ / под ред. Е.Г. Анимицы.* Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2009, 508 с.
12. *Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: в 2 томах / под ред. В.А. Крюкова и Н.И. Сулова.* Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. Т. 1. 418 с. Т. 2. 528 с.
13. *Минакир П.А.* Россия на Тихом океане (приобретение Россией тихоокеанских провинций и генезис управления их освоением и развитием) // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 104–124.
14. *Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.* Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2. С. 79–97.
15. *Безруков Л.А., Корытный Л.М.* Роль территории Сибири в экономическом развитии России // География и природные ресурсы. 2009. № 3. С. 22–30.
16. *Безруков Л.А.* Образ экономики Сибири: влияние географических факторов и статистических искажений // ЭКО. 2013. № 1. С. 5–22.
17. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. 2-е изд. / под ред. и с предисл. Г.М. Князева. Петроград: тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916, 152 с.
18. *Дружинин А.Г.* Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 4. С. 5–22.
19. *Бандман М.К.* Геополитическое положение Сибири после распада СССР // Известия РАН. Серия географическая. 1994. № 3. С. 85–93.

20. Безруков Л.А., Ишмуратов Б.М., Корытный Л.М., Савельева И.Л. Политико-географические проблемы Сибири в начале XXI века // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 100–107.
21. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2023 году. М., 2024. 716 с.
22. Фартышев А.Н. Сибирь как главное преимущество России // Россия в глобальной политике. 2025. № 4. С. 126–140.
23. World Urbanization Prospects. 2025. Summary of Results / United Nations. New York, 2025. 124 p.
24. Бочарников В.Н. Геопространство дикой природы России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 165–175.
25. Эдельштейн Я.С. Успехи географического изучения территории СССР за двадцать лет существования Советской власти // Известия государственного географического общества. 1937. № 5. С. 701–707.
26. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.
27. Трешников А.Ф., Жекулин В.С., Лавров С.Б. Советская география: некоторые итоги и перспективы // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. № 6. С. 465–474.
28. Саушкин Ю.Г. Объективные законы диалектического взаимодействия различных форм движения материи, времени, земного пространства // Известия Всесоюзного географического общества. 1980. № 6. С. 530–536.
29. Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущевского десятилетия». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. 288 с.
30. Рященко С.В. Географические детерминанты качества жизни в Сибири // География и природные ресурсы. 2008. № 1. С. 5–9.
31. Родоман Б.Б. Экологическая специализация – желательное будущее для большей части России // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 4. С. 140–147.
32. Зарудницкий В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Военная мысль. 2023. № 11. С. 6–15.
33. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Потапенко В.В., Вольхин Д.А. Этнос в пространстве современной России (муниципальное измерение) / под ред. А.Г. Дружинина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2025. 120 с.
34. Нефедова Т.Г. Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 3. С. 42–61.
35. Артоболевский С.С., Бабурин В.Л., Бакланов П.Я., Касимов Н.С., Колосов В.А., Котляков В.М., Люри Д.И., Тишков А.А. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 3. С. 8–17.
36. Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М.: Наука, 1982. 206 с.
37. Климанов В.В., Казакова С.М. Особенности стратегического планирования развития Дальнего Востока России на федеральном уровне // Региональные исследования. 2022. № 1. С. 68–79.
38. Крюков В.А., Крюков Я.В. Неоиндустриализация – к «новой геометрии» экономических пространственных взаимодействий // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 3. С. 7–38.

39. Шупер В.А. Овладение пространством для преобразования страны // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 5–15.
40. Лившиц В.Н., Швецов А.Н. Каких ошибок следует избегать при оценке инвестиционных проектов с участием государства // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 80–92.
41. Митрофанова И.В., Жуков А.Н. Митрофанова И.А. Влияние фактора риска на реализацию современных российских территориальных мегапроектов // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 109–121.
42. Климанов В.В., Игорева А.Г. Перспективы и риски переезда государственных корпораций в регионы России // Региональные исследования. 2024. № 3. С. 45–58.

References

1. Kryukov V.A., Kolomak E.A. Prostranstvennyi manevr na vostok: fakty, bar'ery, resheniya [Eastward Thrust: Facts, Barriers, Solutions], *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2025, Vol. 252, No. 2, pp. 30–50. (In Russ.).
2. Karaganov S.A., Kozylov I.S. Vostochnyi povorot 2.0, ili “Sibirizatsiya” Rossii [Eastward Turn 2.0, or “Sibirization” of Russia], *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2025, Vol. 23, No. 1, pp. 221–229. (In Russ.).
3. Blyaher L.E. Sibir' – klyuch k ponimaniyu sud'by Rossii [Siberia is the Key to Understanding Russia's Fate], *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2025, No. 4, pp. 141–151. (In Russ.).
4. Potanin G.N. Nuzhdy Sibiri [The Needs of Siberia], *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Omsk State Museum of Local Lore], 1996, No. 4, pp. 231–253. (In Russ.).
5. Semenov-Tyan-Shanskii V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii. Ocherk politicheskoi geografii [On a Powerful Territorial Possession in Relation to Russia. An Essay on Political Geography], *Izvestiya Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Imperial Geographical Society], 1915, Vol. LI, Iss. VIII, pp. 425–457. (In Russ.).
6. Blanuca V.I. Diffuziya pochtovykh novovvedenii v dosovetskoi Sibiri [Diffusion of Postal Innovations in Pre-Soviet Siberia], *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2012, No. 4, pp. 30–39. (In Russ.).
7. Kolosovskii N.N. Hozyaistvennye problemy Sibiri [Economic Problems of Siberia], *Planovoe hozyaistvo* [Planned Economy], 1925, No. 5, pp. 236–246. (In Russ.).
8. Mendeleev D.I. K poznaniyu Rossii [Towards the Knowledge of Russia]. St. Petersburg, Izdanie A.S. Suvorina, 1906, 345 p. (In Russ.).
9. Vernadskii G.V. Russkaya istoriya [Russian History]. Moscow, Agraf, 1997, 544 p. (In Russ.).
10. Radishchev A.N. Pis'mo A.R. Voroncovu ot 15 marta 1791 g. [Letter to A.R. Vorontsov dated March 15, 1791], *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow – Leningrad, 1952, pp. 355–358. (In Russ.).
11. Sredinnyi region: teoriya, metodologiya, analiz [The Middle Region: Theory, Methodology, Analysis], edited by E.G. Animicy. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural State Economy University, 2009, 508 p. (In Russ.).
12. Novyi impul's Aziatskoi Rossii: istochniki i sredstva razvitiya [The New Impulse of Asian Russia: Sources and Means of Development], edited by V.A. Kryukova,

N.I. Suslova. Novosibirsk, Publishing House of IEOPP SO RAN, 2023, Vol. 1, 418 p., Vol. 2, 528 p. (In Russ.).

13. Minakir P.A. Rossiya na Tihom okeane (priobretenie Rossiei tihookeanskih provincii i genezis upravleniya ih osvoeniem i razvitiem) [Russia in the Pacific Ocean (Russia's Acquisition of the Pacific Provinces and the Genesis of Management of Their Development and Development)], *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economy], 2006, No. 3, pp. 104–124. (In Russ.).

14. Druzhinin A.G., Kuznecova O.V. Raionirovanie v prostranstvennom razvitii sovremennoi Rossii: problemnye voprosy teorii i praktiki [Zoning in the Spatial Development of Modern Russia: Problematic Issues of Theory and Practice], *Federalizm* [Federalism], 2025, Vol. 30, No. 2, pp. 79–97. (In Russ.).

15. Bezrukov L.A., Korytnyi L.M. Rol' territorii Sibiri v ekonomicheskom razvitii Rossii [Role of Siberia's Territories in the Economic Development of Russia], *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2009, No. 3, pp. 22–30. (In Russ.).

16. Bezrukov L.A. Obraz ekonomiki Sibiri: vliyanie geograficheskikh faktorov i statisticheskikh iskazhenii [The Image of the Siberian Economy: The Influence of Geographical Factors and Statistical Distortions], *EKO* [ECO], 2013, No. 1, pp. 5–22. (In Russ.).

17. Lamanskii V.I. Tri mira Aziisko-Evropeiskogo materika. 2-e izd. [Three Worlds of the Asian-European Continent. 2nd edition], edited by G.M. Knyazeva. Petrograd, Publishing House A.S. Suvorina "Novoe vremya", 1916, 152 p. (In Russ.).

18. Druzhinin A.G. Geopoliticheskie orientiry strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Geopolitical Guidelines of Russia's Spatial Development Strategy], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 4, pp. 5–22. (In Russ.).

19. Bandman M.K. Geopoliticheskoe polozhenie Sibiri posle raspada SSSR [The Geopolitical Situation of Siberia after the Collapse of the USSR], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. The Series is Geographical], 1994, No. 3, pp. 85–93. (In Russ.).

20. Bezrukov L.A., Ishmuratov B.M., Korytnyi L.M., Savel'eva I.L. Politiko-geograficheskie problemy Sibiri v nachale XXI veka [The Politico-Geographical Problems of Siberia in the Early 21st Century], *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2007, No. 3, pp. 100–107. (In Russ.).

21. Gosudarstvennyi doklad o sostoyanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'evykh resursov Rossiiskoi Federacii v 2023 godu [State Report on the State and Use of Mineral Resources of the Russian Federation in 2023], Moscow, 2024, 716 p. (In Russ.).

22. Fartyshev A.N. Sibir' kak glavnoe preimushchestvo Rossii [Siberia as the Main Advantage of Russia], *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2025, No. 4, pp. 126–140. (In Russ.).

23. World Urbanization Prospects. 2025. Summary of Results, United Nations. New York, 2025, 124 p.

24. Bocharnikov V.N. Geoprostranstvo dikoi prirody Rossii [Geospatial Wild Nature of Russia], *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov* [Socio-Economic Geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists], 2016, No. 5, pp. 165–175. (In Russ.).

25. Edel'shtein Ya.S. Uspekhi geograficheskogo izucheniya territorii SSSR za dvadcat' let sushchestvovaniya Sovetskoi vlasti [The Successes of the Geographical Study of the Territory of the USSR During the Twenty Years of the Existence of Soviet Power], *Izvestiya gosudarstvennogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the State Geographical Society], 1937, No. 5, pp. 701–707. (In Russ.).

26. Kolosovskii N.N. Osnovy ekonomicheskogo raionirovaniya [Fundamentals of Economic Zoning]. Moscow, Gospolitizdat, 1958, 200 p. (In Russ.).

27. Treshnikov A.F., Zhekulin V.S., Lavrov S.B. Sovetskaya geografiya: nekotorye itogi i perspektivy [Soviet Geography: Some Results and Prospects], *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], 1982, No. 6, pp. 465–474. (In Russ.).

28. Saushkin Yu.G. Ob"ektivnye zakony dialekticheskogo vzaimodeistviya razlichnykh form dvizheniya materii, vremeni, zemnogo prostranstva [Objective Laws of Dialectical Interaction of Various Forms of Motion of Matter, Time, and Terrestrial Space], *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], 1980, No. 6, pp. 530–536. (In Russ.).

29. Artemov E.T., Vodichev E.G. Nesostoyavsheesya uskorenie: ekonomicheskaya strategiya "hrushchevskogo desyatiletiya" [The Failed Acceleration: The Economic Strategy of the "Khrushchev Decade"]. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 2025, 288 p. (In Russ.).

30. Ryashchenko S.V. Geograficheskie determinanty kachestva zhizni v Sibiri [Geographical Determinants of the Quality of Life in Siberia], *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2008, No. 1, pp. 5–9. (In Russ.).

31. Rodoman B.B. Ekologicheskaya specializatsiya – zhelatel'noe budushchee dlya bol'shei chasti Rossii [Ecological Specialization as the Desirable Future for the Most Part of Russia], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. The Series is Geographical], 2016, No. 4, pp. 140–147. (In Russ.).

32. Zarusnickii V.B. Sovremennyye voennyye konflikty v kontekste formirovaniya novoi geopoliticheskoi kartiny mira [Modern Military Conflicts Related to the Emerging Geopolitical Worldview], *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2023, No. 11, pp. 6–15. (In Russ.).

33. Druzhinin A.G., Kuznecova O.V., Potapenko V.V., Vol'hin D.A. Etnosy v prostranstve sovremennoi Rossii (municipal'noe izmerenie) [Ethnoses in the Space of Modern Russia (Municipal Dimension)], edited by A.G. Druzhinin. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2025, 120 p. (In Russ.).

34. Nefedova T.G. Vektory i problemy sovremennogo prostranstvennogo razvitiya regionov Blizhnego Severa Evropeiskoi chasti [Trajectories and Problems of the Current Spatial Development of Russia's European Near North Regions], *Baltiiskii region* [Baltic Region], 2024, Vol. 16, No. 3, pp. 42–61. (In Russ.).

35. Artobolevskii S.S., Baburin V.L., Baklanov P.Ya., Kasimov N.S., Kolosov V.A., Kotlyakov V.M., Lyuri D.I., Tishkov A.A. Strategii prostranstvennogo razvitiya v Rossiiskoi Federacii: geograficheskie resursy i ogranicheniya [Spatial Development Strategies in the Russian Federation: Geographical Resources and Limitations], *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. The series is geographical], 2009, No. 3, pp. 8–17. (In Russ.).

36. Slavin S.V. Osvoenie Severa Sovetskogo Soyuza [Development of the North of the Soviet Union]. Moscow, Nauka, 1982, 206 p. (In Russ.).

37. Klimanov V.V., Kazakova S.M. Osobennosti strategicheskogo planirovaniya razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii na federal'nom urovne [Features of Strategic Planning for the Development of the Russian Far West at the Federal Level], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Research], 2022, No. 1, pp. 68–79. (In Russ.).

38. Kryukov V.A., Kryukov Ya.V. Neoindustrializatsiya – k "novoi geometrii" ekonomicheskikh prostranstvennykh vzaimodeistvii [Neo-Industrialization – Towards a "New Geometry" of Economic Spatial Interactions], *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economy], 2024, Vol. 20, No. 3, pp. 7–38. (In Russ.).

39. Shuper V.A. Ovladenie prostranstvom dlya preobrazovaniya strany [Mastering Space for Country Development], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2024, No. 8, pp. 5–15. (In Russ.).

40. Livshic V.N., Shvecov A.N. Kakih oshibok sleduet izbegat' pri ocenke investitsionnykh proektov s uchastiem gosudarstva [What Mistakes Should be Avoided When Evaluating Investment Projects with the Participation of the State], *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2011, No. 9, pp. 80–92. (In Russ.).

41. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. Mitrofanova I.A. Vliyaniye faktora riska na realizatsiyu sovremennykh rossiiskikh territorial'nykh megaproektov [Influence of Risk Factor on Implementation of Modern Russian Territorial Megaprojects], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2016, No. 6, pp. 109–121. (In Russ.).

42. Klimanov V.V., Igoreva A.G. Perspektivy i riski pereezda gosudarstvennykh korporatsiy v regiony Rossii [Prospects and risks of Russian State Corporations Regional Relocation], *Regional'nye issledovaniya* [Regional Research], 2024, No. 3, pp. 45–58. (In Russ.).

PRIORITIES IN RUSSIA'S SPATIAL DEVELOPMENT. “SIBERIAN FOCUS” OR A BALANCED MULTIDIRECTIONAL APPROACH?

In Russia, the issues related to strategizing spatial development, including setting its priorities, are fundamental and remain consistently relevant. The article examines the critical analysis of the concept of “Sibirization” of Russia and justifies a strategic approach to achieving a balanced multi-vector spatial development of the country, considering the potential and interests of not only Siberia itself but also all Russian territories. The paper highlights the diversity of past and present perceptions of Siberia within the domestic academic discourse, emphasizing territorial socio-economic transformations and interregional disparities that preclude equating the entire Asian part of the Russian Federation with Siberia. It is underscored that the required compensatory measures for these territories (given the unfavorable trend observed in the first quarter of the 21st century) in the economic, infrastructural, and socio-demographic spheres should be: adaptive, accounting for local conditions; localized, relying on a network of key settlements, resource extraction hubs, the Trans-Siberian Railway, and other critical communication corridors; oriented toward low-population technologies; grounded in the human resources and institutional capacities for scientific and technological advancement found in large agglomerations; and aligned with the overall spatial development of Russia.

Keywords: spatial development strategy, territorial differences, “sibirization”, multi-vector development, Asian Russia, Siberia, Urals, Tyumen region.

JEL: R11, R28, R58

Дата поступления – 23.02.2026

Принята к печати – 10.03.2026

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Южный федеральный университет / ул. Большая
Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006;

ведущий научный сотрудник;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт географии Российской академии наук / Старомонетный пер.,
д. 29, стр. 4, г. Москва, 119017.

e-mail: alexdru9@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, заместитель директора по научной работе;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Chief Researcher;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Southern Federal University / 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006;

Leading Researcher;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences / 29, Building 4, Staromonetny Lane, Moscow, 119017.

e-mail: alexdru9@mail.ru

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences / Nakhimovsky Av., 47, Moscow, 117418.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Приоритеты пространственного развития России. «Сибиризация» или сбалансированная многовекторность? // Федерализм. 2026. Т. 31. № 1 (121). С. 21–43. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2026-1-21-43>